

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ

**БРОНЗОВЫЙ ВЕК
СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ
УРАЛО-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Челябинск 1983

44. Бойко Т. А., Хабдулина М. К. Могильник у с. Новоникольское.— Отчет Археологические исследования в Северном Казахстане в 1977 году, том II. Челябинск, 1978. Архив СКОМ.

45. Хабдулина М. К., Иванова Н. А., Зданович Г. Б., Виноградов Н. И. Исследования могильника Бектениз в Северо-Казахстанской области.— Отчет Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году, том IV, Челябинск, 1980. Архив СКОМ.

С. Я. Зданович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САРГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(к постановке вопроса)

Среди проблем, относящихся к кругу андроновских, немаловажное место занимает вопрос о завершающем этапе бронзового века — его культурной специфике, связях с предшествующими историческими образованиями и роли в сложении культур раннего железного века. Уже первыми исследователями андроновских памятников Зауралья и Казахстана в 40—50-х годах конец бронзовой эпохи связывался с появлением грубой керамики с налпным валиком под шейкой [1; 2]. Период, отмеченный существованием валиковой керамики, выделялся О. А. Кривцовой-Граковой и К. В. Сальниковым в отдельный этап андроновской культуры [1, с. 180; 2, с. 109—120], а А. М. Оразбаевым — в самостоятельную замараевскую культуру [3, с. 276—279]. М. Н. Комарова в 1962 г., анализируя материалы андроновских поселений и могильников, поддержала точку зрения о культурной обособленности заключительного периода бронзового века и распространила термин «замараевская культура» на обширную область Зауралья и Северного Казахстана [4, с. 69—74].

Сложные стратиграфические условия залегания керамики с валиком на многослойных поселениях, единичность исследованных памятников, отсутствие могильников, содержащих валиковую посуду, а также неразработанность типологии керамических комплексов эпохи бронзы привели на данном этапе исследования к прочному утверждению в литературе мнения о сосуществовании посуды с валиком с собственном андроновской керамикой [1, с. 178—181; 2, с. 117; 5, с. 101]. Совершенно очевидно отсюда вытекал вывод о доживании андроновских традиций в орнаментации керамики до начала железного века [2, с. 120] и о непосредственной генетической связи между андроновской культурой и памятниками скифо-сакского мира.

В последние 15 лет в изучении бронзового века были достигнуты значительные успехи [6; 7; 8]. Была разработана типология керамических материалов эпохи бронзы Северного Казахстана [9], сделаны интересные наблюдения в области стратигра-

фии многослойных поселений [10]. Эти исследования, с одной стороны, пролили ясность на сущность исторического процесса в конце эпохи бронзы, с другой, — поставили новые проблемы. Их решение в какой-то степени стало возможным после исследования однослойного поселения финальной бронзы и единовременного ему могильника в урочище Саргары [11], а также новых раскопок и типологического анализа материалов одного из опытных памятников бронзового века Северного Казахстана — Алексеевского поселения на р. Тобол [12; 13]. Указанные работы дали убедительные доказательства самостоятельного существования валиковой керамики.

Раскопки новых археологических объектов, содержащих слои с валиковой посудой, существенно расширили представления о специфике материальной культуры, домостроительства, хозяйственной деятельности и погребальном обряде населения Северного Казахстана на заключительном этапе бронзового века. Тезис о существовании особой культуры финальной бронзы получил достаточную аргументацию [14]. Вместе с тем это ставило под сомнение тезис о непрерывной линии развития андроновской культуры и ее перерастании в культуры раннего железного века.

С одной стороны, керамический материал финального бронзового века действительно резко отличается от предшествующего ему андроновского (алакульско-федоровского), с другой, — имеет несомненное сходство с позднесрубными материалами Поволжья и даже более западных районов. Это позволило М. П. Грязнову высказать точку зрения о распространении срубной экспансии в конце II — начале I тыс. до н. э. далеко на восток, вплоть до Иртыша [15, с. 42—43]. Таким образом, накопление нового материала по заключительному этапу бронзового века Северного Казахстана выдвинуло в качестве первоочередной задачи выявление генетических корней культуры. Без этого невозможно решение других проблем изучения этого периода.

Заканчивая обзор проблематики, сложившейся в историографии заключительного этапа эпохи бронзы, необходимо отметить терминологическую неупорядоченность, касающуюся названий культуры. Как уже отмечалось, в 50—60 гг. последний период бронзового века получил наименование замараевского. Углубленное изучение памятников лесного Злуралья позволило Стоколову В. С. совершенно определенно высказать точку зрения о черкаскульской принадлежности памятников так называемой «замараевской культуры» и о неправомерности распространения этого термина на синхронные памятники Северного Казахстана [6, с. 85].

В 1974 г. автором было предложено для культуры финальной бронзы Северного Казахстана наименование «саргаринская» [16]. Введение термина было обусловлено рядом причин: поселение и могильник Саргары — единственный на настоящем этапе исследования однокультурный комплекс этого времени.

результате его исследования были получены обширные и безусловные данные, позволяющие характеризовать материальную культуру, хозяйственную деятельность и погребальный обряд населения на заключительном этапе бронзового века. Т. М. Потемкина в 1979 г. отнесла поздний слой Алексеевского поселения, а также известные ей памятники финального бронзового века Северного Казахстана к алексеевской культуре [17, с. 27—29], не выразив своего отношения к уже предложенному наименованию и не обосновав введения еще одного названия. Термина «алексеевская культура» придерживается и Евдокимов В. В.*

Алексеевское поселение является многослойным памятником, широко известным в литературе. Его культурный слой в одинаковой степени насыщен материалами и средней и поздней бронзы. Материалы эти в равной степени важны для изучения алакульской, федоровско-бишкульской культур и культур «валиковой» керамики. Термин «алексеевская культура» определяет применительно к финальной бронзе только незначительную часть алексеевского культурного комплекса. Этот термин не может быть правомерным, тем более, что важнейшие составные комплекса — могильник и «жертвенное место» представлены яркими эталонными материалами раннеалакульского типа.

Если керамические комплексы алексеевского поселения можно разделить типологически и с помощью статистики показать определенную обособленность его залегания, то это невозможно сделать для металлических и костяных изделий, для массового остеологического материала. Отсутствие стратиграфически выраженных слоев ставит под сомнение отнесение того или иного котлована к определенному этапу функционирования поселка, а следовательно, и культурно-историческому анализу жилищных построек. Многослойность памятника не позволяет выявить специфику хозяйственной деятельности различных человеческих коллективов. В целом культурно-хронологический подход к Алексеевскому поселению стал возможен только по мере исследования однослойного и «чистого» комплекса — поселения и могильника Саргары.

Содежание алексеевского комплекса по своей сути соответствует чуть ли не всей свите культур андроновской общности и намного превышает содержание термина, введенного Т. М. Потемкиной. Несоответствие названия и археологического состава культурных напластований может привести к неправильному пониманию самой культуры заключительного этапа бронзового века. С другой стороны, в будущем это наименование может серьезно затруднить, с точки зрения терминологии, использование в научной литературе материалов яркого и кратковременного Алексеевского могильника.

* См. статью В. В. Евдомикова в настоящем сборнике.

Считаю, что опыт использования в андроноведении названий культурно и хронологически многоплановых памятников (например, Замараево, Новый Кумак) применительно к конкретным археологическим явлениям, не оправдал себя. В условиях неведанного расцвета источниковедческой базы 70—80-х годов изменяются и требования к названиям археологических культур, их этапам или стадиям. Если они полностью условны (например, стадии А, Б и т. п.), а проименованы по конкретному памятнику, то за этим объектом должно стоять соответствующее реальное археологическое содержание.

Прежде чем говорить о происхождении историко-культурного образования, необходимо в первую очередь определить его содержание и территорию распространения.

К саргаринской культуре довольно многочисленными памятниками, преимущественно поселениями, одним из наиболее выразительных признаков которых является грубая лепная посуда, содержащая 10—30% горшков с валиками. Признаки этой культуры достаточно хорошо описаны [16; 17]. Саргаринские памятники занимают территорию Северного и Центрального Казахстана [18, с. 197—257; 19, с. 141—148], а также соответствующую по широте территорию Зауралья в пределах Курганской и Челябинской областей [17]. Наибольшее количество памятников обнаружено в Северном Казахстане. Здесь выявлено 53 поселения, 1 могильник и 4 отдельных погребения [3, с. 270—279; 14; 21]. На 15 памятниках произведены раскопки. Поселение и могильник Саргары исследованы полностью. Поселения с валиковой посудой Центрального Казахстана их исследователи по-прежнему относят к бегазы-дандыбаевской культуре [19, с. 141]. К саргаринской [алексеевской] их относят автор настоящей статьи [14], Т. М. Потемкина [17, с. 29] и В. В. Евдокимов, который в последние годы исследовал несколько поселений в Центральном Казахстане [22; 23].

Имеющийся в наличии значительный материал как по поздней бронзе, так и по среднему периоду бронзового века дает основание рассмотреть вопрос о генезисе саргаринской культуры на материалах Северного Казахстана. Вся эпоха бронзы этого региона была разделена Г. Б. Здановичем на 3 этапа: ранний, средний и поздний [7]. К последнему этапу на современном уровне исследований можно отнести весь посталакульский период, начиная с XIII и до VIII вв. до н. э. Памятники саргаринской культуры будут завершать бронзовую эпоху. Между ними и собственно алакульскими памятниками находится культурный пласт, в котором нужно в первую очередь искать местные генетические корни саргаринской культуры. Начало позднебронзового периода необходимо связывать с памятниками федоровско-бишкульского типа. На настоящем этапе исследования мы понимаем под бишкульскими комплексами поселенческие материалы федоровской культуры.

В «чистом» виде они были выявлены работами нашей экспедиции на небольшом поселении Бишкуль IV [24]. Керамика эта обладает четкими признаками, которые позволили затем выделить ее из комплексов многослойных поселений Петровка II, Новоникольское I, Явленка I и др. Бишкульская керамика характеризуется сосудами промежуточной горшечно-баночной формы с лошеной поверхностью светлых и красных тонов и преобладанием орнаментации из каннелюр, зигзагов, наклонных линий и вдавлений (рис. 1, 19—24). Для керамики бишкульского типа характерно своеобразное сочетание федоровских и алакульских черт. Алакульские традиции проявляются прежде всего в сохранении основных элементов орнаментации и технике их нанесения. Почти на каждом сосуде присутствуют алакульские зигзаги, но наряду с ними широко используются каннелюры, уголки вдавления, «елочки», характерные для федоровской символики. При явном преобладании федоровских форм еще встречаются сосуды с уступчиком. Во всех известных нам коллекциях, содержащих бишкульскую посуду, обнаружены единичные, но ярко выраженные фрагменты федоровского облика [24, рис. 1; 10, рис. 4, 11]. В свою очередь, бишкульские сосуды редко встречаются в погребениях. Они найдены на могильнике Бурлук [26, рис. 2, 7, 8], могильнике Алыпкаш в Северном Казахстане и могильнике Путиловская Заимка II в Челябинской обл. Взаимовстречаемость бишкульской и федоровской керамики на поселениях и могильниках и отмеченные черты сходства позволяют считать эти комплексы единокультурными. Бишкульская керамика в таком случае должна рассматриваться как бытовая, а федоровская — как ритуальная. С другой стороны, бишкульская керамика наиболее ярко подчеркивает генетическую связь и преемственность между алакульской и федоровской культурами. Такой же вывод на основе анализа металлических изделий был сделан Н. А. Аванесовой [25].

На основании имеющихся материалов можно говорить, что памятники с керамикой бишкульского типа занимают территорию Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Наиболее типичным памятником в Зауралье является пос. Кипель, где бишкульскими являются все очажные горшки [27, с. 208; 28, с. 194]. Близка бишкульской, а возможно, и идентична ей керамика канайского этапа, выделенного С. С. Черниковым в Восточном Казахстане [5, с. 98]. Севернее бишкульская керамика находит аналогии в материалах Черноозерского этапа поздней бронзы в Среднем Прииртышье [29, с. 32—36, рис. 1, 76—84]. В Центральном Казахстане бишкульская керамика известна на поселениях Атасу, Садовое [23, с. 432], Усть-Кенетай [22, с. 532].

В орнаментации бишкульской керамики впервые появляются основные мотивы орнамента саргаринской посуды: многорядовые композиции из ямочных вдавлений, оконтуренные горизонтальной

линией, пояски из наклонных линий или сеточек, узоры из «елочек», уголков, зигзаги с бахромой, ногтевые вдавления. На бишкульской посуде получают развитие редко встречающиеся в алакульских материалах зигзаги из заштрихованных полос, которые также найдут применение в саргаринской орнаментации (рис. 1, 1). Абсолютное сходство по орнаментации комплекса саргаринской керамики с поселения Петровка II с комплексом поселения Бишкуль IV дает индекс 40,1 [30, таб. 31]. Это наиболее показатель сходства, который имеет саргаринская керамика с материалами местных памятников. Бишкульской традиции можно объяснить лощение поверхности ряда сосудов с поселения Петровка II и Новоникольское I. Сохраняются в саргаринской керамике и отдельные реликты бишкульско-федоровских форм.

Бишкульские племена, безусловно, явились тем основным местным пластом, той базой, на которой сформировались памятники позднего бронзового века и, в конечном счете, саргаринская культура Северного Казахстана. Вторым пластом, влияние которого существенно ощущается в облике керамики саргаринской культуры, является черкаскульский. Керамика черкаскульской культуры довольно широко известна в настоящее время на памятниках Северного Казахстана. Наиболее южной точкой распространения черкаскульского проникновения является поселение Островное I в районе г. Целинограда. Есть несколько фрагментов этой керамики и на поселении Саргары. Это не только самые южные из известных сейчас объектов распространения черкаскульской культуры, но и самые восточные. Черкаскульская керамика есть в небольшом количестве на Алексеевском и Садчиковском поселениях [13, с. 44, рис. 2, 6, 9; 1, рис. 12, 8, рис. 22, 11]. Выше по течению р. Тобол она пока не найдена. Однако находки черкаскульских памятников на юге Челябинской области, в левобережном бассейне р. Тобол (пос. Дружный I, пос. Берсуат) свидетельствуют о том, что они должны быть и в Верхнем Притоболье.

На поселениях Северного Казахстана черкаскульская керамика всегда встречается совместно с местной посудой явленского типа [7, с. 18], которая видимо, является результатом развития бишкульской керамики (рис. 1, 7—12). На исследованных памятниках слои, содержащие черкаскульскую керамику, стратиграфически и планиграфически отделены от сооружений и слоев финальной бронзы. Наиболее выразительные данные по хронологической обособленности черкаскульской керамики получены с поселения Явленка I, где с ней связывается жилище I [31, с. 50—52]. На поселении Берсуат черкаскульская керамика перекрывается слоем с конструкциями саргаринского времени [32, с. 199—200]. Раздельное размещение черкаскульской и алексеевской керамики отмечает Т. М. Потемкина на поселении Камышное I [33, с. 102—103].

Везде, где черкаскульская керамика зафиксирована не в еди-

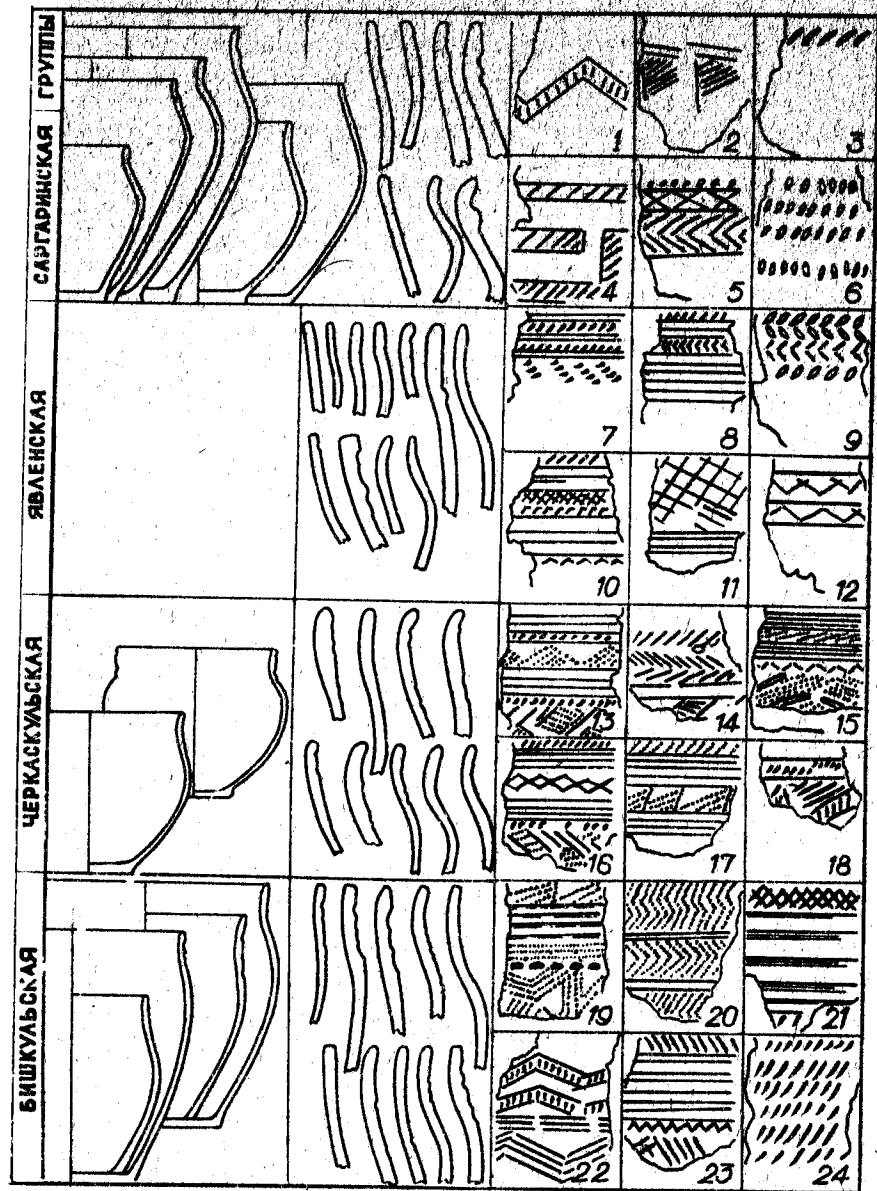

Рис. 1. Группы керамики поздней бронзы Северного Казахстана:
1—3 — поселение Саргары; 4, 16, 19, 20, 22—24 — поселение Новоникольское I; 5 — поселение Петровка II; 6 — поселение Боголюбово I; 7, 8, 13, 15 — поселение Явленка I; 9—12, 21 — поселение Петровка III; 14 — поселение Бишкуль I; 17, 18 — поселение Карьерное II

ничном количестве, она устойчиво делится на 2 группы. В первую группу входят типично черкаскульские сосуды с тальковой примесью, ярко выраженной горшечной формой и узором с использованием меандровых фигур, разделенных желобками (рис. 1,13—16). Керамика второй группы характеризуется примесью слюды, упрощением формы и орнамента за счет увеличения поясковых узоров (рис. 1,17,18). Вторая группа керамики является результатом привыкания пришлого населения к местной среде. В этот период использовалась не только новая рецептура теста, но и в какой-то степени опыт аборигенов по конструированию формы и украшению посуды. Интересные примеры привыкания гончаров к новым условиям дают этнографические исследования. Гончар новейшего времени, переменяв место жительства, среди местного сырья ищет «похожее», и если оно не соответствует его привычной технологии, он вынужден перенимать опыт местных мастеров. Период привыкания длится обычно несколько лет [34, с. 76, 77].

Результаты поиска новой технологии в виде некачественной продукции должны фиксироваться не только по этнографическим материалам, но и по археологическим. Вероятно, поэтому керамика на ряде черкаскульских памятников — Бишкуль V, Карьерное II и т. д. — представлена в большинстве окатанными фрагментами плохой сохранности. Слюда как примесь, заменяющая тальк, не выдержала испытаний. В качестве примеси начинают использовать песок, шамот. Меняется фактура керамики и ее облик в целом. Наиболее четко материалы этого переходного времени, передающие тесную взаимосвязь между позднебишкульской (явленской) и черкаскульской керамикой, выявлены на поселениях Явленка I, Бишкуль V, Петровка III. Они свидетельствуют об ассимиляции черкаскульского населения потомками бишкульцев.

Здесь господствует посуда без шейки с высоким прямым или дуговидным плечом и иногда отогнутым венчиком, напоминающая по профилировке сосуды саргаринской культуры. Много баночек с прямым или слегка суженным горлышком. Преобладают узоры из сеточек, елочек или вертикальных зигзагов. Широко используются треугольные, круглые, овальные и прочие по форме ямки. На каждом сосуде присутствуют линии или каннелюры (рис. 1,7—12). Узор нанесен гребенкой или плоским штампом. Примесь слюды в керамике этих памятников имеет символическое значение, она есть во многих фрагментах, но просматривается лишь в виде мелких блесков.

Уже на небольшой коллекции можно видеть процесс выделения воротничка, на отдельных фрагментах обнаружен валик. В целом керамика становится грубее, массивнее.

Значительное влияние черкаскульской керамики на памятники лесостепных районов исследуемой территории отмечает В. С Стоколос. Это воздействие он видит в материалах Алексеевского

поселения, Нижне-Спасского, Чернореченского I и др. [6, с. 135]. Традиции черкаскульской орнаментации продолжают жить на саргаринской посуде, что нашло отражение почти во всех комплексах финальной бронзы. Представляется, что влияние черкаскульской культуры носило не только локальный характер, как считает Т. М. Потемкина [17], но и хронологический. Достаточно убедительно об этом свидетельствует сравнительный анализ материалов трех памятников саргаринской культуры, исследованных у с. Петровка — поселений Петровка II, III, IV. Памятники Петровка II и Петровка III — многослойные, на поселении Петровка IV обнаружены остатки только саргаринской культуры. Среди керамических материалов поселений Петровка II, III обнаружены фрагменты черкаскульской посуды, причем на поселении Петровка III саргаринское жилище разрушило остатки какой-то черкаскульской постройки. Наиболее ранним саргаринским комплексом является комплекс поселения Петровка II. Он существенно отличается от других по богатству орнаментации (2,3 элемента на I сосуд, на других памятниках не более 1,8 элементов) и использованию геометрических узоров. Для построения орнаментальных композиций широко используются линии и каннелюры, заштрихованные полосы и отрезки, есть ромбы. На поселении Петровка II наиболее часто применяется слюда в качестве примеси (в 35% сосудов). Это, несомненно, следы черкаскульских традиций. Черкаскульская культура в свою очередь должна была испытать обратное воздействие саргаринской культуры, о чем свидетельствуют отдельные находки степной керамики в лесной полосе [35, рис. 20,21]. В контактной зоне распространения этих культур в конце эпохи бронзы складывается своеобразный тип керамики. Значительный интерес в этом плане представляют материалы поселения Берсуат в Челябинской области [32].

Саргаринская культура является лишь небольшой частью общности культур с валиковой керамикой, которая складывается в конце эпохи бронзы на территории срубной и андроновской культур*. На современном уровне исследований можно говорить о том, что срубно-алакульские отношения были тем общим фоном, на котором протекало формирование культур эпохи поздней бронзы на обширной территории евразийских степей. Этот фон создавался в условиях переплетения судеб и тесных общений племен алакульской, а затем и федоровской культур со срубным и тазабагыбским населением. Общность исторических судеб, единые пути социально-экономического развития в условиях сходной географической среды и определенная этническая близость обусловили тот факт, что на завершающем этапе развития бронзового века сформировалась новая культурная общность, характеризующаяся распространением валиковой керамики. Эта

* См. статью Е. Н. Черных в настоящем сборнике.

общность занимала огромные просторы степного Причерноморья, Поволжья, Зауралья, Казахстана и Алтайского края вплоть до Оби. Сходство памятников в пределах этой большой культурно-общности тем больше, чем меньше влияние на них неродственных по происхождению и историческому развитию культур. Видимо именно поэтому саргаринской культуре по облику керамического материала наиболее близки культуры внутреннего региона общности — суярганская [36] и хвалынская [37].

Культура поздней бронзы Центрального Казахстана прошла, вероятно, тот же путь развития, что и в Северном Казахстане. Переходный период от поздней к финальной бронзе здесь зафиксирован материалами поселения Бугулы II [18, с. 219—220, табл. 28—31]. В целом же этот период в истории Центрального Казахстана изучен еще плохо. Особенно актуальной является тема о соотношении саргаринских (поселенческих) и бегазы-дандыбаевских (погребальных) комплексов. Находки на поселениях Северного Казахстана (Новоникольское I, Саргары) свидетельствуют о синхронном развитии этих типов керамики, а существование отдельных могильников позволяет относить их к разным культурам.

Предложенная точка зрения о генетической преемственности между федоровской и саргаринской культурами основана только на анализе керамического материала. На настоящем этапе исследования нет достаточных данных для сопоставления материального производства, домостроительства, хозяйственной деятельности. Слабо еще изучены бишкульские комплексы, практически неизвестны однослойные памятники. В связи со слабой изученностью саргаринских могильников мало данных для сравнительного анализа погребального обряда и идеологических представлений.

Сам тезис о федоровской культуре, как основном компоненте в сложении саргаринской культуры, может вызывать ряд возражений. И одно из первых — почему саргаринская культура не сложилась на всей территории, занятой федоровскими племенами? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Хронология и генезис культур поздней бронзы Западной Сибири слабо разработаны. Каждая культура требует для ответа на эти вопросы дифференцированного подхода. Однако даже в данной ситуации у нас нет оснований исключать федоровскую культуру из процесса формирования культур финального этапа бронзового века Западной Сибири. Как и для саргаринской культуры, федоровский пласт здесь не являлся единственным, что и должно было определить специфику облика материальной культуры.

Определение исторического места культурного образования и выявление его генетических корней дает основания более аргументированно подходить к датировке культуры. Для саргаринской культуры наиболее сложной и оспариваемой является верхняя дата. Весь комплекс металлического инвентаря культуры

характерен для постсейминского хронологического горизонта и датируется Е. Н. Черных в пределах XII—XI—IX вв. до н. э. [38, с. 72—75]. С началом этого периода связывается также широкое и повсеместное распространение валика в евразийских степях [36, с. 140—143; 39, с. 141—158]. Это дает основание некоторым исследователям относить возникновение валиковых комплексов Зауралья и Северного Казахстана к XII в. до н. э. [17, с. 105]. Валик действительно появляется в этом регионе в XIII—XII вв. до н. э., но связан он не с саргаринскими, а с федоровско-бишкульскими комплексами, о чем свидетельствуют пока небольшие, но достаточно убедительные находки. Между федоровской и саргаринской культурами находился период завершенного развития одной и формирования другой, что и позволило автору настоящей статьи предложить для саргаринской культуры дату X—VIII вв. до н. э. [14, с. 16, 17].

1. Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). — МИА, 1951, № 21.
2. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, 1951, № 21.
3. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958, т. 5.
4. Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры. — АС ГЭ, 1962, вып. 5.
5. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88.
6. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). — М.: Наука, 1972.
7. Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. — Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
8. Потемкина Т. М. Культура населения среднего Приоболжья в эпоху бронзы. — Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
9. Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАНУ, 1973, вып. 12.
10. Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1973.
11. Зданович С. Я., Малюгина Т. С. Саргары — культурный комплекс финальной бронзы. — АО—1974. М., 1975.
12. Евдокимов В. В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол. — СА, 1975, № 4.
13. Потемкина Т. М. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол. — СА, 1975, № 1.
14. Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века Северного Казахстана. — Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.
15. Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. — КС ИА АН СССР, 1970, № 122.
16. Зданович С. Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана. — В кн.: Сборник научных трудов по Туманигарным наукам. Карагандинский государственный университет. Караганда, 1974.
17. Потемкина Т. М. О соотношении Алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье. — СА, 1979, № 2.
18. Маргулан А. Х и др. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1966.
19. История Казахской ССР, т. I. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.
20. Маргулан А. Х. Бегазы — дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

21. *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи бронзы Верхнего Притоболья. ВАН, 1975, вып. 13.
22. *Евдокимов В. В., Ткачев. А. А.* Работы Карагандинского отряда. — АО 1978. М., 1979.
23. *Евдокимов В. В.* Исследования отряда Карагандинского университета. АО—1979/М., 1980.
24. *Зайберт В. Ф., Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV. В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1974, вып. 1.
25. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлургическим изделиям). — Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.
26. *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970.
27. *Сальников К. В.* Кипельское селище. — СА, 1957, вып. 27.
28. *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселения Кипель. — СА, 1970, № 3.
29. *Генинг В. Ф.* и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1970.
30. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья. — Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2201.
31. *Зданович Г. Б.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана. — В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1973, вып. 7.
32. *Хабдулина М. К., Виноградов Н. Б., Зданович С. Я.* Исследования на р. Берсуат. — АО—1977. М., 1978.
33. *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол. — КС ИА АН СССР, 1976, № 147.
34. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. — М.: Наука, 1976, № 43.
35. *Раушенбах В. И.* Керамика шигирской культуры. — КСИИМК, 1954, № 43.
36. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приуралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). — М.: Наука, 1977.
37. *Васильев И. Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышев. — В кн.: Самарская лука в древности. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1975.
38. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА, 1978, № 4.
39. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.

Е. Н. Черных

ПРОБЛЕМА ОБЩНОСТИ КУЛЬТУР ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

Необходимость формулировки проблемы общности культур валиковой керамики (КВК) назрела уже давно. В той или иной степени некоторых аспектов этой проблемы касались различные исследователи эпохи бронзы Евразийских степей — О. А. Кривцова-Гракова [1, с. 157—163; 2, с. 38, 49, 161], Е. Е. Кузьмина [3], М. П. Грязнов [4, с. 43], А. М. Лесков [5, с. 56, 57], М. А. Итина [6, с. 140—143, 165, 166], С. Я. Зданович [7, с. 14], Т. М. Потемкина [8, с. 28, 29] и другие, когда им приходилось рассматривать конкретные памятники или же культуры с валиковой керамикой. Ныне публикациям этих памятников, анализу различных материалов и обобщению последних посвящено множество исследований. Естественно, что в данной работе я смогу опираться лишь на те, которые казались мне наиболее существенными для формулировки самой проблемы.*

В настоящей работе, носящей по существу тезисный характер, мне хотелось бы коснуться ряда вопросов, составляющих упомянутую проблему, а именно: территория общности, период бытования КВК, определение самих культур, их родственные черты, основные зоны общности, истоки валиковой керамики. Само собой разумеется, что практически все решения, которые будут изложены здесь в самой сжатой форме, должны считаться предварительными, требующими более развернутых доказательств и, зачастую, существенных уточнений. В большей степени я хотел бы остановиться на деталях, роднящих эти культуры. Тема различий самих культур во многом останется за рамками настоящей статьи.

Финальный период позднего бронзового века, приблизительно соответствующий времени с XIII/XII по IX/VIII вв. до н. э., характеризовался весьма примечательным феноменом. В Евразий-

* Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить С. Я. Зданович, предоставившую в мое распоряжение свои пока что неопубликованные материалы.